

АДРИЕННА БАССО

**Возлюбленная
горца**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б27

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Adrienne Basso
THE HIGHLANDER WHO LOVED ME

Перевод с английского Я.Е. Царьковой

Компьютерный дизайн С.П. Озеровой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Zebra Books an Imprint of Kensington Publishing Corp.

Бассо, Адриенна.
Б27 Возлюбленная горца : роман / Адриенна Бассо ; [пер.
с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-104386-5

Казалось бы, что могло помешать обаятельному сыну предводителя клана Маккена Джеймсу и прелестной Давине из клана Армстронг пожениться в первом цвету юности и обрести семейное счастье?

Но один злополучный день изменил все — ведь в этот день произошла трагедия, вынудившая Джеймса отправиться крестным путем на Восток, а Давину — затвориться в фамильном замке.

Однако время лечит, люди взрослеют и становятся мудрее, и годы спустя Джеймс возвращается — закаленный в битвах, возмужавший. Возвращается — и обнаруживает, что та, которую он не переставал любить ни на минуту, теперь предназначена в жены его старшему брату...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-104386-5

© Adrienne Basso, 2016
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

*Данферmlinское аббатство
Лето 1329 года*

— Не могу поверить, что его больше нет в живых, — уважительно понизив голос, произнес молодой рыцарь — один из тех, кому, как и сэру Джеймсу Маккену, пришлось тесниться у входа в переполненную церковь.

— Мне тоже не верится. Сегодня печальный день для всех нас, — тихо ответил сэр Джеймс.

В том, что церковь не смогла вместить всех желающих проститься с покойным, не было ничего необычного. Король Брюс стал легендой еще при жизни.

О том, что король Шотландии — настоящий герой, Джеймс знал с самого детства. Он знал Роберта Брюса по рассказам отца и дяди, сражавшихся бок о бок с легендарным монархом, сумевшим отвести от Шотландии железный кулак англичан и объединить под своим началом разрозненные кланы.

Во всех великих сражениях — будь то героическая оборона Метвена или битва при Лаудон-Хилле, принесящая триумфальную победу, — король неизменно вдохновлял своих подданных храбростью, мужеством и отвагой, оставаясь при этом дальновидным и мудрым политиком. Но сегодня воины Шотландии собрались не для того, чтобы праздновать победы вместе со своим королем или делить горечь поражения, а для того, чтобы проводить его в последний путь.

Джеймс вытянул шею, пытаясь отыскать родственников и знакомых. Два самых близких ему человека тоже находились здесь, и, в отличие от него, Джеймса, зажатого со всех сторон, эти двое, не теснясь, сидели на ближайшей к алтарю почетной скамье.

Сэру Джеймсу, конечно, было немного обидно, но он понимал, что таков порядок, ибо он, Джеймс, в отличие от Малколма, первенца, являлся всего лишь вторым сыном Маккены — вождя самого могущественного клана в Шотландском нагорье.

По крайней мере, как и всех мужчин рода Маккены, ростом Джеймса бог не обидел, и потому он мог беспрепятственно наблюдать за ходом траурной церемонии. Между тем панихида закончилась, и гроб с телом короля подняли с постамента и опустили в склеп, расположенный прямо под алтарем, где уже покоилось тело покойной жены Роберта Брюса королевы Элизабет. Опустив голову, в глубокой печали, воины, отдавшие своему королю последние почести, покидали церковь.

Вскоре церковь опустела, зато церковный двор заполнился людьми; соратники Брюса вспоминали битвы, в которых сражались бок о бок со своим королем. Но воспоминания воспоминаниями, а все же следовало подумать, как жить дальше без короля. И потому вожди кланов перешли на разговоры о том, что по-настоящему волновало всех присутствовавших, — заговорили о будущем.

Хотя смерть короля не стала неожиданностью — он больше года тяжело болел, — среди вождей кланов не было согласия в том, кто должен стать преемником Роберта.

Единственному сыну короля, Дэвиду, на момент смерти отца едва исполнилось пять лет. Граф Морей был назначен его опекуном и должен был править от имени малолетнего короля, пока тот не сможет взять бразды правления в свои руки.

Некоторых вождей вполне устраивал такой расклад, другие же были недовольны. И для того чтобы объединить множество кланов — принимая во внимание страстную любовь шотландцев к независимости и нежелание большинства вождей считаться с чужим мнением, — требовалась фигура масштаба Роберта Брюса. Увы, теперь, когда его не стало, над страной нависла угроза междоусобной войны. Так что оставалось только гадать, кто из вождей замахнется на корону и сможет ли он ее добыть.

Джеймс, который никогда всерьез не интересовался политикой, испытывал по поводу предстоящих событий смешанные чувства. С одной стороны, война могла бы дать ему шанс подняться, занять более достойное положение в обществе — возможно, он мог бы стать владельцем собственного замка. Но это при условии, что он правильно выберет сторону, на которой ему предстоит воевать, и, что еще важнее, останется в живых. Война, как говорится, дело рискованное.

— Я рад, что ты нашел возможность приехать сюда, Джеймс, чтобы почтить память покойного. Пусть все знают, что мои сыновья верны делу Брюса и короне.

Джеймс обернулся и крепко обнял своего отца Брайана.

— Боюсь, отец, меня все равно никто не заметил в давке у входа.

— Не скажи, парень... — послышался знакомый голос. — Не заметить тебя трудно — с твоим-то ростом!

Джеймс снова обернулся и, расплывшись в улыбке, воскликнул:

— О, дядя Эван! — Джеймс обнялся с дядюшкой, в замке которого часто гостил мальчишкой. Сэр Эван передал племяннику много полезных навыков, в частности, научил ловко обращаться с мечом. — Как обстоят дела в замке Тайри?

Пожилой воин пожал плечами.

— С тех пор, как ты гостил у нас в последний раз, мало что изменилось. Кэмерон упрашивал меня взять его с собой, но твоя тетьа и слышать об этом не хотела.

Джеймс с улыбкой кивнул. Тетьа Грейс всегда боялась, как бы с ее детьми чего не случилось. Если бы могла, никогда бы их из-под своего крыла не выпускала. И если уж она что-то решила... Переубедить ее не представлялось никакой возможности. В этой, в общем-то, милой женщине с рассудительностью и практичностью каким-то неведомым образом уживалось твердолобое упрямство и поразительное умение добиваться своего любимыми способами. Впрочем, подобные черты были свойственны всем женщинам клана Маккены.

— Моя сестра нещадно балует своих сыновей, — заявил Брайан Маккена. — Поверить не могу, что ты ей это позволяешь, Эван.

Нисколько не обидевшись на слова шурина, сэра Эван, усмехнувшись, заметил:

— Мне важно, чтобы в доме был мир. Твоя сестра редко мне перечит, но если уж ей что-то не по нраву, ох, спорить с ней себе дороже. Лучше уж сделать так, как она попросит.

Джеймс тоже украдкой усмехнулся. Его-то отец мог рвать и метать сколько душе угодно, но и сам частенько шел на поводу у жены. Но на то была серьезная причина — Айлен Синклер Маккена не потерпела бы к себе иного отношения. Да, мать Джеймса умела за себя постоять, и отец с годами уяснил, что лучше с ней не связываться.

Заметив приближавшуюся к ним группу вождей соседних кланов, Джеймс уважительно отступил в сторону, смешавшись с толпой, тогда как Малколм, старший брат Джеймса, занял его место возле отца. Разумеется, Джеймс, как обычно, тяжело вздохнул от обиды — но что с этим поделаешь? Ведь он был вторым сыном, и ему на роду было написано играть второстепенную роль, тог-

да как Малколм, первенец, с рождения воспитывался как будущий вождь, то есть умел и воевать, и договариваться... и решать множество других сложных вопросов. И сейчас, в предстоящей важнейшей дискуссии, Малколм, конечно же, тоже должен был сказать свое слово.

Наблюдая за происходящим со стороны, Джеймс узнавал многих — если не всех — обступивших отца вождей. Но кто знал, что скрывалось за невозмутимостью их лиц? Впрочем, кое-кто не умел — или не хотел — скрывать своих эмоций (некоторые вожди вели себя демонстративно дерзко, словно бросали вызов тем, кто был готов защищать и поддерживать закон и порядок). Но были и колеблющиеся, еще не успевшие определиться с тем, чью сторону займут. Разговор, как и ожидалось, шел о будущей независимости Шотландии и о коварстве вероломных англичан. Причем голос отца звучал громче других. При этом Брайан Маккена даже пытался сдерживаться и скрывать свои истинные чувства. Сэр Брайан служил королю верой и правдой долгие годы, поэтому выпады тех, кто подвергал сомнению право сына Роберта Брюса на престол, не могли оставить его равнодушным.

Между тем к группе переговорщиков присоединился и сэр Джеймс Дуглас. Широкоплечий, с горделивой осанкой человека, знающего себе цену, сэр Дуглас, однако же, обладал в глазах окружающих меньшим влиянием, чем Брайан Маккена; Джеймс заметил, как люди переминались с ноги на ногу, слушая Дугласа — мол, поскорее бы закончил. Когда же он умолк, все начали расходиться.

Джеймс посмотрел на затянутое тучами небо, потом перевел взгляд на отца. Интересно, как поступит Брайан Маккена — поспешит отправиться в обратный путь, пока не начался дождь? Или, может быть, останется и попытается привлечь на свою сторону тех, кто поддерживает юного короля?

— Малколм поедет с кланом Дугласа, — сказал Брайан, подойдя к сыну. — Я бы хотел, чтобы ты сопрово-

ждал Армстронгов, пока они не вернутся на свои земли. И я хочу, чтобы ты оставался у них до тех пор, пока в тебе будет нужда.

Не в силах скрыть удивление, Джеймс проговорил:

— Мне понятно, почему Малколм поедет с Дугласами — он обручен с дочерью сэра Джеймса. Но зачем мне сопровождать клан Армстронгов?

— Ты постоянно жалуешься, что тебе скучно дома. Тебе хотелось приключений, так вот — получай, — заявил Брайан с усмешкой.

А Джеймс, конечно же, промолчал; он понимал, что за этой просьбой отца стоит нечто большее, чем дружественный жест по отношению к соседнему клану.

— И сейчас, — продолжал сэр Брайан, — нам очень важно обзавестись союзниками, понимаешь? Ты заметил на шее у сэра Дугласа серебряную цепь с прикрепленным к ней ларцом?

Джеймс утвердительно кивнул.

— Да, конечно.

— Так вот, в ларце находится забальзамированное сердце покойного короля.

Джеймс поморщился и пробормотал:

— Я слышал, как один из рыцарей об этом рассказывал, но я подумал, что это только слух.

— Нет, это правда. Столь убедительная демонстрация верности клана Дугласа королю и монархии снимает все вопросы относительно его намерений.

Джеймс осмотрелся. Не увидев никого поблизости, тихо спросил:

— А так ли искренне сэр Дуглас предан королю и короне?

— Я думаю, что Дуглас с удовольствием поддержит короля... при условии, что ему это выгодно. И будет поддерживать его ровно столько, сколько ему будет это выгодно, — добавил Брайан, поморщившись.

— И Армстронги верны короне настолько же, насколько и Дуглас?

— Лэрд Армстронг осторожен. И его можно понять. Тем не менее наш союз должен быть нерушим и крепок. Стоит появиться бреши, как англичане, увидев нашу слабость, набросятся на нас, и тогда наша с таким трудом завоеванная независимость окажется под большим вопросом.

Брайан Маккена прочистил горло и, нахмурившись, добавил:

— Я хочу, чтобы лэрд Армстронг знал, как ценен для меня союз с ним. Если ему когда-либо понадобится моя поддержка, он ее непременно получит. И я отправляю тебя, своего сына, к нему в знак доверия и дружбы. Он должен оценить этот жест.

Джеймс, глубоко тронутый тем, что отец доверил ему столь важную миссию, с трудом сдерживал эмоции. Ему стоило немалых усилий сохранять внешнее спокойствие.

— Отец, если ты веришь, что мое присутствие может помочь, я с радостью выполню поручение, — заявил он.

Брайан Маккена одобрительно кивнул и вознаградил сына улыбкой.

Джеймс тоже улыбнулся; он чувствовал, как грудь его распирает от гордости — и так было всегда, когда его всеми уважаемый отец удостаивал младшего сына своим вниманием. Но теперь слепое детское обожание сменилось вполне осознанным уважением к человеку, который отвечал не только за свою семью, но и за благополучие всего клана.

Клан Маккены всегда был сильным, влиятельным и богатым. До сих пор Джеймс считал, что своим благополучием они обязаны лидерским качествам отца и его беспримерному владению мечом. Однако теперь Джеймс понял, что хитрость и проницательность, умение искусно обходить препятствия и идти на уступки, когда это-

го требовали обстоятельства, нужны были вождю клана ничуть не меньше, чем храбрость и отвага.

— Кажется, нам придется попрощаться на время, братишка. Отец говорит, ты должен ехать с Армстронгами.

Джеймс смерил старшего брата взглядом. Малколм взял лучшее от родителей — ростом и статью пошел в отца, а от матери ему достались выразительные голубые глаза и улыбка, перед которой невозможно было устоять.

И характеру старшего брата только позавидовать! Малколма трудно было вывести из себя; он был настолько уверен в себе, что не испытывал потребности доказывать свою правоту (казалось, он понятия не имел о том, что такое сомнения и тревоги, постоянно отравлявшие жизнь Джеймсу).

Да, конечно, Джеймс завидовал старшему брату, однако утешал себя мыслью о том, что когда-нибудь, наверное, и у него, Джеймса, что-то изменится в лучшую сторону.

— А ты, говорят, поедешь с кланом Дугласа, — сказал Джеймс.

Малколм ухмыльнулся и толкнул брата в плечо.

— Помни, братишка, грех сладок, а человек падок. Пусть мухи летят на мед, а ты держись от соблазнов подальше.

Джеймс нахмурился и проворчал:

— Вот себе об этом и напоминай, а мне зачем? Думай, братец, как удержаться от греха, когда твоя невеста с тебя влюбленных глаз не сводит!

Малколм отыскал взглядом свою невесту, стоявшую рядом со своим отцом, сэром Дугласом. Заметив, что жених на нее посмотрел, девушка радостно улыбнулась. А Малколм в задумчивости произнес:

— А она пригожая, моя Маргарет.

— И смелая, — подхватил Джеймс. — Держу пари, она тебе не откажет, если предложишь ей провести

первую брачную ночь до венчания. — При этих словах Джеймс шутливо толкнул брата в плечо, но тот даже не улыбнулся.

— Боюсь, ты прав, — буркнул Малколм. — Мне честь моей невесты дороже... чем ей самой.

Джеймс в удивлении вскинул брови. Его опыт общения с женским полом ограничивался несколькими молодыми вдовами из их же клана, и, хотя его вполне устраивали результаты этого общения, он все же не очень-то разбирался в вопросе. В его представлении было бы верхом глупости отказываться от того, что тебе предлагала хорошенькая девица.

— Она тебе не нравится? — решился спросить Джеймс.

— Она вполне симпатичная, но слишком уж ей хочется мне угодить.

Джеймс почесал затылок. «Что же в этом плохого?» — подумал он.

— Мне кажется, тебе понравилось бы жить с покладистой, услужливой женой.

— Вот они, слова младенца, не знающего греха, — с шутливой торжественностью провозгласил Малколм и, хлопнув брата по спине, наставительно добавил: — Весь смысл в том, чтобы сорвать приз. Но победа должна быть выстрадана, понимаешь?

— Ты хочешь, чтобы Маргарет сопротивлялась тебе? Малколм невесело усмехнулся.

— Я последую примеру отца и не стану спать с другими женщинами после того, как женюсь. Но боюсь, меня ждет невыносимо скучная жизнь с такой смиренной и покорной женой.

— Малколм, у тебя с головой... все в порядке?

— У меня-то как раз с головой все нормально, а вот тебе думать головой пока не удастся, — со смехом ответил старший брат. — Жена ведь не только для постели нужна. И тебе стоит об этом помнить, когда придет вре-

мя выбирать невесту. — Кивнув на прощание, Малколм ушел, оставив младшего брата в недоумении.

«Что же он хотел этим сказать? — спрашивал себя Джеймс. — Какая еще жена ему нужна? Ведь хорошенькая женщина, всегда готовая угодить своему мужу, — лучше жены и не придумаешь!» Выходит, удача сама плыла Малколму в руки, а он нос воротил. Как это на него похоже!

Малколм был старше Джеймса всего на два года. Братья были неразлучны в детстве, но узы дружбы слабели по мере того, как росло между ними соперничество.

Малколм был наследником, отцовским любимчиком, и Джеймс, хотя никогда и не говорил об этом открыто, в душе завидовал брату, порой сильно завидовал.

Наскоро распрощавшись с отцом и дядей, Джеймс отправился седлать коня. Начался дождь. Земля быстро размокла. Небо было тяжелым и серым. «Скорее всего, придется промокнуть насквозь», — со вздохом подумал Джеймс.

Подъезжая к стану Армстронгов, он заметил трех женщин, каждая из которых ехала в окружении всадников. Самая старшая из женщин, очевидно, являлась женой лэрда Армстронга, а две молодые, наверное, были ее дочерьми, хотя Джеймс никогда не видел сестер, так сильно непохожих друг на друга.

Одну из дочерей Джеймс сразу окрестил про себя бурой куропаточкой, а вторую — золотистой лебедицей. Обе были стройные и ладные, но лишь златовласая красавица притягивала мужские взгляды и будила чувства — ее лицом с точеными скулами и полными сочными губами можно было любоваться бесконечно.

Зная о том, что на нее смотрят, блондинка вскинула голову, и ее коса засияла золотом, словно солнце выглянуло из-за туч. Джеймс же смотрел на нее словно замороженный. Но потом она улыбнулась — и волшебству пришел конец; Джеймс поймал себя на том, что

потерял к красавице всякий интерес. Он тотчас же узнал этот расчетливо-кокетливый взгляд. Такая женщина выставляла свою красоту напоказ, а тем временем плела паутину, в которую непременно попадетя глупец, поверивший, что ее улыбка — для него одного.

Резко развернув коня, Джеймс поскакал к началу колонны. Люди Армстронга вежливо приветствовали его наклонами головы, но никто не делал попыток заговорить с ним. И Джеймс сразу понял: он для них чужой и таким останется, пока не докажет обратного.

Под морозящим дождем кавалькада начала подъем по крутому каменистому склону. Чтобы не оступиться на скользких камнях, приходилось ехать медленно, соблюдая предельную осторожность. Миновав крутой подъем и чуть более пологий, но не менее опасный спуск, они решили разбить на ночь лагерь.

Зная, что в первую очередь следовало заботиться о коне, Джеймс повел своего жеребца на водопой к лесному ручью. Напоив своего верного друга, он уже собрался возвращаться в лагерь, но тут вдруг увидел шедшую к ручью женщину — она несла по деревянному ведру в каждой руке.

По плащу Джеймс узнал в ней одну из дочерей лэрда. Хотя голову ее покрывал капюшон, Джеймс сразу догадался, что перед ним — не златовласая красавица, а та, которую он про себя называл бурой куропаточкой. Его догадка подтвердилась, когда девушка опустилась на колени возле ручья и опустила ведро в воду. Капюшон ее соскользнул, открыв взгляду темно-русые волосы.

— Надо было попросить кого-нибудь из мужчин принести вам воды, — произнес Джеймс, шагнув ей навстречу.

Девушка вскрикнула от неожиданности и выронила оба ведра. Одно из них подхватило течением и понесло. Джеймс отреагировал мгновенно и выловил ведро.

Наполнив ведра, он поставил их на землю возле «бурой куропатки». Но девушка не торопилась забирать ведра — все так же стояла на коленях у воды и смотрела на молодого человека.

— Вы меня напугали, — проговорила она с упреком.

— Прошу прощения. — Джеймс невольно съежился под ее суровым взглядом. — Но там, откуда я родом, воду носят слуги, а не знатные дамы. О том, чтобы у вас имелось все необходимое, должны были позаботиться те, кто вас сопровождает.

Девушка потупила взгляд, но Джеймсу показалось, что она прятала улыбку.

— Нашему конвою есть чем заняться помимо того, чтобы носить мне воду, — сказала наконец девица. — Я не хотела никого утруждать. Кроме того, моя тетя не любит, когда я сижу без дела. Ей и моей кухне понадобится вода для умывания, поскольку же горничных с нами нет, работу поручили мне.

— Кузине? Выходит, та, другая девушка, не ваша родная сестра?

— Господи, конечно, нет! — Девица энергично покачала головой. — Джоан — моя двоюродная сестра. Наши отцы были братьями, причем мой был младшим из двух сыновей.

— Вы говорите «был»?

— Да. Он умер пять лет назад. Как и моя мать. — Голос девушки дрогнул, а в глазах появилась печаль.

— Но боль утраты еще свежа... — с сочувствием заметил Джеймс.

— Бывают моменты, когда я ощущаю эту боль гораздо острее, чем обычно. Когда бываешь на похоронах, невольно задумываешься о бренности всего и вспоминаешь ушедших близких... — Девушка прикусила губу и, как бы извиняясь, добавила: — Простите меня, сэр. Я слишком расчувствовалась. Я знаю, как это раздражает окружающих. Кузина Джоан постоянно мне об этом

говорит. Она считает, что пять лет — достаточный срок, чтобы боль утихла.

Джеймс промолчал; ему не очень-то понравилось то, что он услышал. Она сочла нужным оправдываться перед ним. Но почему? Неужели ее родные настолько бессердечны?

— Кто искренне любит, страдает сильнее тех, кто лишь делает вид, что любит, — произнес он наконец.

Девушка подняла на него исполненные решимостью глаза — ей так хотелось казаться сильной! Решимость ее одновременно и восхищала, и трогала. Джеймс смотрел в ее карие глаза, понимая, что не может отвести взгляд. Сердце его сладостно сжалось — и замерло на мгновение.

«Да она же прехорошенькая! — воскликнул он мысленно. Конечно, не такая ослепительная красавица, как ее златовласая кузина, но отнюдь не дурнушка». У кареглазой девушки черты лица были правильными и тонкими, и смотреть на нее было весьма приятно... Кожа — чистая и гладкая, нежного сливочного оттенка. А рот — крупный, красиво очерченный.

Свои темные волосы она заплела в толстую косу, доходившую чуть ли не до талии. Волосы же блестели в лучах предзакатного солнца, пробивавшихся сквозь зелень листвы. И еще Джеймс уловил исходящий от нее аромат свежести — настолько приятный, что хотелось приблизиться к ней и вдохнуть его полной грудью.

Но он все же поборол искушение — не хотел, чтобы она сочла его губияном и невежей.

Джеймс присел на корточки, не сводя взгляда с девушки. И вдруг заметил золотистые искорки в ее глазах. И еще он увидел, что ресницы у нее — длинные, густые и темные, а брови — очень красивые. Но больше всего ему нравился ее взгляд — в нем не было фальши. Душа ее была чиста и открыта перед ним.